

ТОМАС ГРОССБЕЛЬТИНГ
редактор-составитель

ГДР

**МИРОЛЮБИВОЕ ГОСУДАРСТВО,
ЧИТАЮЩАЯ СТРАНА,
СПОРТИВНАЯ НАЦИЯ?**

Была ли ГДР «государством мира», «читающей страной», «спортивной нацией»? По праву ли она могла называть себя «очагом антифашизма»? На самом ли деле у женщины и мужчины были равные права? И действительно ли успехи Финляндии в недавних исследованиях PISA можно объяснить копированием системы образования ГДР?

Шестнадцать известных авторов анализируют легенды ГДР, которые имеют свое воздействие по сей день. Авторы детально и непредвзято изучают суждения и предубеждения относительно социалистического немецкого государства, освещают с разных ракурсов отдельные сферы общества ГДР и противопоставляют мнениям проверенные факты.

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Thomas GROßBÖLTING (Hg.)

**FRIEDENSSTAAT,
LESELAND,
SPORTNATION?**

DDR-LEGENDEN AUF DEM PRÜFSTAND

ГДР

МИРОЛЮБИВОЕ ГОСУДАРСТВО, ЧИТАЮЩАЯ СТРАНА, СПОРТИВНАЯ НАЦИЯ?

ТОМАС ГРОССБЁЛЬТИНГ
редактор-составитель

·МЫСЛЬ·
Москва

УДК 94(430.2)
ББК 63.3(4Гем)63
Г26

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

Книга издана при поддержке
Фонда Фридриха Науманна за свободу (Германия)

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Перевод с немецкого

Г26 ГДР : миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация? : сборник статей / редактор-составитель Т. Гроссбёльтинг : пер. с нем. — Москва : Мысль, 2017. — 384 с.
ISBN 978-5-244-01198-2

Была ли ГДР «государством мира», «читающей страной», «спортивной нацией»? По праву ли она могла называть себя «очагом антифашизма»? На самом ли деле у женщины и мужчины были равные права? И действительно ли успехи Финляндии в недавних исследованиях PISA можно объяснить копированием системы образования ГДР?

Шестнадцать известных авторов анализируют легенды ГДР, которые имеют свое воздействие по сей день. Авторы детально и непредвзято изучают суждения и предубеждения относительно социалистического немецкого государства, освещают с разных ракурсов отдельные сферы общества ГДР и противопоставляют мнениям проверенные факты.

УДК 94(430.2)
ББК 63.3(4Гем)63

ISBN 978-5-244-01198-2

© Мысль, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМАС ГРОССБЕЛЬТИНГ

ЛЕГЕНДЫ ГДР В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И В НАУКЕ 11

РАЙНЕР КАРЛШ

«НА МИРОВОМ УРОВНЕ» 25

Предваряя тему..... 25

Экономика и техника в послевоенное время 26

Фальстарт или сбой на дистанции?

Дефицит производительности 29

«Репарационные отрасли» 30

В тупике «социалистической индустриализации»? 32

Технологический прорыв Ульбрихта 36

Авиастроение 37

Программа развития химической промышленности 38

Атомные электростанции 41

Технологический прогресс в станкостроении 42

Киносьемочная камера с беспараллаксным

визирным устройством —

экспортный товар нарасхват 43

Попытки реформ 44

«Любой ценой»: создание микроэлектроники 45

Микропроцессоры для станкостроения 47

Торможение программы автомобилестроения 49

Кризис как финал 50

ТОМАС ГРОССБЕЛЬТИНГ

ГДР — «ГОСУДАРСТВО ШТАЗИ»? 53

История Штази как «публичная история» 56

Легенды и дискуссия вокруг них:

«всемогущая Штази» и «народ стукачей» 68

МАРК-ДИТРИХ ОЗЕ

«МЫ ОТЯГИВАЛИСЬ НА ПОЛНУЮ КАТУШКУ» 75

Молодежный союз как любой другой?

Свободная немецкая молодежь 76

Неполитический праздник?

Гражданское посвящение во взрослую жизнь 79

Равные права, равные шансы? Молодежь и церковь	82
Приспособившаяся молодежь?	
(I) Молодые люди в системе образования	84
Приспособившаяся молодежь?	
(II) Молодежная и досуговая культура	86
Гунилла Будде	
ЭМАНСИПИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО	94
Традиционные семейные обязанности	94
Карьерные ограничения остаются	100
Снижение интереса к политике	104
Ограниченное стремление к эмансипации	106
Выводы	111
Кристоф Клесман	
УГРЮМАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ И ПРЕКРАСНАЯ ПОКАЗУХА	113
Традиции и надежды	115
Эгалитаризм и нормы в обществе дефицита как постоянная проблема	117
Ранние формы сопротивления рабочих против «государства рабочих»	120
Восстание 17 июня 1953 г. — рабочие бунтуют против своего «авангарда»	123
Созидательный энтузиазм и ритуалы диктатуры СЕПГ	125
Производственные бригады как позитивный опыт пребывания в трудовом коллективе	127
Шансы на образование и социальный рост как связывающие силы	128
Двойственная и исчезающая лояльность	129
Рабочие как «уехавшие» и как избиратели ХДС в 1990 г.	131
Краткий итог	133
Патрис Г. Потрус	
ГДР КАК «ОПЛОТ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ»	135
Национал-социализм, оккупация и национализм в цветах ГДР	136
Об отношении к иностранцам в повседневной жизни в ГДР	140

«Учиться в дружественной стране»: иностранцы студенты в ГДР.....	141
Убежище в стране мигрантов: «политэмигранты»	144
Иностранная рабочая сила для социализма: контрактные рабочие	147
Выводы	151
Герман Вентклер	
ЗА МИР И ДРУЖБУ НАРОДОВ?	153
Три фактора, влиявших на внешнюю политику ГДР....	154
Социалистический интернационализм? Отношения ГДР с Советским Союзом и с государствами Восточного блока	157
Мирное сосуществование? Отношения ГДР с ФРГ и с несоциалистическими европейскими государствами.....	165
Антиимпериалистическая солидарность? Отношения ГДР со странами «третьего мира»	169
Заключение	173
Ютта Браун	
«РАЗ В НЕДЕЛЮ ВСЯК ИЗ НАС СПОРТУ ПОСВЯТИ ХОТЬ ЧАС»	175
«Рационализация»	176
Бедственное положение в массовом спорте	180
«Бегство из республики» — страшный сон спортивных чиновников	183
Допинг	185
Крушение	190
Кристоф Линкс	
ГДР — СТРАНА ЧИТАТЕЛЕЙ	193
Производство книг	193
Книготорговля	197
Библиотеки	200
Отношение к чтению	202
Выводы	204
Рюдигер Шмидт	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОБЕДА?	205

Миф антифашизма как основа для строительства государства	207
Антифашистский героизм в прозаических литературных произведениях	213
Делегитимизация антифашизма: 17 июня 1953 г. и 13 августа 1961 г.	216
Антифашизм в коммуникативной и культурной памяти ГДР	218
«В памяти не осталось ничего...»	220
ДИРК ХОФФМАН	
ИЛЛЮЗИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ	223
Изменения в трудовом законодательстве	224
Политика занятости СЕПГ: между мерами «от случая к случаю» и плановой экономикой	231
Нерешенный вопрос пенсионного обеспечения в ГДР	236
ШТЕФАН ХААС	
«МЫ СТРОИМ КВАРТИРЫ»	243
Государственная жилищная политика как парадигма	244
Какие цели преследовало привлечение граждан к участию в делах государства?	246
Медиасферы общественного участия	248
Практика общественного участия	255
МАТТИАС РОГ	
АРМИЯ НАРОДА?	263
ГДР – милитаризованное общество?	263
Военная пропаганда, мобилизация и мотивация «солдат завтрашнего дня»	266
Взгляд изнутри – жизнь в казарме ННА	271
Взгляд снаружи – контакты между гражданской и военной сферами	276
Резюме: «армия народа»?	277
ВОЛЬФГАНГ ЛАМБРЕХТ	
«УЧИТЬСЯ У ФИНЛЯНДИИ ЗНАЧИТ УЧИТЬСЯ У ГДР?»	279
Развитие системы образования в Финляндии после получения независимости в 1917 г.	280

Создание «единой социалистической системы образования» в ГДР	285
Веские причины для существенных сомнений в том, что система образования ГДР послужила образцом для финской	288
Заключение	290
Ансельма Галлинат и Забине Киттель	
О СОВРЕМЕННОМ ПОДХОДЕ	
К ГЭДЭЭРОВСКОМУ ПРОШЛОМУ	293
История повседневной жизни — часть официального осмысления прошлого?	295
Воспоминание и самосознание	298
Восточногерманский опыт в зеркале осмысления прошлого	303
Выводы	314
ОБ АВТОРАХ	316
КОММЕНТАРИИ	321

ТОМАС ГРОССБЁЛЬТИНГ*

ЛЕГЕНДЫ ГДР В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И В НАУКЕ

Вместо предисловия

Мы все еще не закрыли тему немецкого государства, которое недовольство его граждан и повороты мировой политики отправили в небытие в предпоследнем десятилетии XX столетия. Вопрос о том, чем была ГДР и что она значит для нас сегодня, продолжает вызывать споры. Разброс суждений был велик еще при существовании этого государства. ГДР, которую ее основатели объявили «другой Германией» и «антифашистско-демократической» альтернативой западногерманской государственной модели, возникшей на территории нацистской Германии, по другую сторону «железного занавеса», рассматривали как «государство, не имеющее никакой легитимности»¹. И если Сталин в 1949 г. назвал образование ГДР — в духе советской великодержавной политики — «поворотным пунктом в истории Европы»², то писатель Стефан Гейм, свидетель процесса упадка той же самой ГДР, заявлявшей о себе как о государстве реального социализма, опасался, что в конечном итоге от нее останется не более чем «сноска в истории»³.

Прошло уже почти двадцать лет с начала Мирной революции и политических перемен, которые в 1989 году привели к концу ГДР, а в 1990-м — к воссоединению Германии, а интерес, по крайней мере в общественном и медийном пространстве, до сих пор не угасает. Когда сотрудники госбезопасности ГДР — Штази — продолжают оставаться на государственной службе, когда политики ломают копыя по поводу понятия «неправовое государство» или когда предполагаемый стрелок-убийца Карл-Хайнц Куррас (полицейский в Западном Берлине, в 1967 г. во время протестной

* Пер. с нем. Игоря Шматова.

демонстрации застрелил студента-пацифиста Бенно Онезорга. — *Перев.*) был разоблачен как агент Штази, прошлое ГДР вновь напоминает о себе кричащими заголовками в прессе, вызывая, как и прежде, в высшей степени противоречивые оценки. Воспоминания о ГДР в воссоединившейся Германии продолжают носить взаимоисключающий характер, их едва ли возможно привести к единому знаменателю. Тем не менее определенные тенденции выходят на поверхность, если попытаться «протоптать тропинки» в прошлое, ориентируясь на отдельные регионы, на мнения представителей разных поколений, на доступные документальные свидетельства, не забывая учитывать при всем этом различные политические позиции очевидцев.

На большей части страны, на ее бывшем Западе, преобладают незнание и безразличие. Тем не менее нельзя не обратить внимания на явные изменения в партийной системе: в лице «Левой партии» и ее предшественников здесь существует политическая сила с отчетливо выраженными традициями, уходящими в прошлое ГДР, которая намерена занять прочное место в старой партийной системе Федеративной Республики. Тем самым, наряду с другими факторами, она ставит под вопрос, казалось бы, незыблемое послевоенное устроение когда-то Боннской, ныне все больше смещающей-ся к Берлину республики.

На Востоке, прежде всего в восточной части Берлина, — бывшем центре власти государства СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии. — *Перев.*) и одновременно одном из мест, где происходили решающие события Мирной революции 1989 г., — связь с ГДР более наглядна, а ее свидетельства более многочисленны. Она почти осязаема, идет ли речь о том, что Бранденбург называют «маленькой ГДР», о столичном дизайнерском отеле «Остель»⁴, в свое время образце панельной архитектуры эпохи социализма Хонеккера, или об архитектурных решениях застройки некоторых улиц. Помимо этого здесь же расположены штаб-квартиры учреждений и ведомств, занятых осмыслением немецкой истории: специальные комиссии и экспертные группы, федеральные фонды и федеральные уполномоченные не покладая рук стараются создать исторический образ ГДР, который

не противоречил бы современной политической культуре. Вместе с ними работают союзы жертв и лиц, преследовавшихся при прежнем режиме, чтобы по возможности выхлопотать своим подопечным денежную компенсацию или по крайней мере обеспечить им достойное место в пантеоне памяти республики. И наконец, здесь толкутся некоторые из тех, кто в старые времена принадлежал к системе, кто был сотрудником министерства госбезопасности, другими словами, «вечно вчерашние», развивая бурную, но малоуспешную деятельность в попытках довести до общественности свой скомпилированный взгляд на прошлое.

О том, как наука и средства массовой информации участвуют в процессе осмысления истории, уже неоднократно писалось: история ГДР превратилась в специальную область исследований, которая породила бесчисленные проекты и соответственно огромное количество публикаций. При этом, несомненно, по крайней мере часть исследователей научились новому общению со средствами массовой информации и создали новую форму работы с материалами политической истории. Пожалуй, сложившаяся ситуация сравнима с определенными этапами изучения национал-социалистского прошлого, когда ученые, занятые в исследованиях, не только управляли грантами, выделяемыми политическими структурами, но и в качестве советников участвовали в соответствующих проектах по осмыслению исторического наследия или пытались сами выступить в роли политиков. Не менее впечатляет то, какой резонанс результаты эмпирических исследований вызывают в медийной сфере, когда они отвечают таким действующим в ней внутренним критериям, как сенсация, конкретика фактов и актуальность. Как бы ни радовал этот общественный резонанс, определенную обеспокоенность тем не менее вызывает следующее обстоятельство: там, где громкие заголовки в ежедневной прессе приобретают большую ценность, чем статьи в специальных журналах, возникает угроза пренебрежения строго научными подходами при анализе исторического материала⁵.

Такая, возможно, единственная в своем роде взаимосвязь науки и политики в вопросах исторической памяти придает дискуссиям по проблемам истории ГДР особую остроту.

В значительно большей степени, чем в других частных областях исторической науки, речь идет о делегитимации и легитимации прошлого, о сведении счетов и самоутверждении. Этой взаимосвязи история ГДР вплоть до наших дней обязана в значительной степени обращенному к ней вниманию. Осмысление прошлого, историко-политическое просвещение и современная история — как и все те, кто ими занимаются, — живут за счет этого вида *public history* («публичной истории». — *Перев.*).

Несмотря на большой интерес к этой теме и на значительные усилия, затраченные на ее изучение, итоги двадцатилетней работы выглядят неоднозначно. Такое впечатление складывается не только вследствие жалоб со стороны части самих исследователей, которые в средствах массовой информации с удивительной регулярностью сначала возмущаются неосведомленностью, особенно молодежи, привлекая к себе через СМИ внимание общественности, чтобы в качестве следующего шага потребовать больше внимания и большей финансовой поддержки, заявляя о необходимости представить ситуацию в ГДР при соответствующем учете мнения критиков⁶. Также нельзя назвать причиной такой оценки всплеск ностальгических настроений в связи с появлением на рынке некоторых типично восточногерманских изделий, как, например, светофоры с изображением человечков. Будучи продуктом средств массовой информации и промышленности потребительских товаров, такая ностальгия не может длиться долго. То, что от нее останется, никак не скажется на политической культуре воссоединенной Германии⁷.

Пытаясь составить представление о том, как немцы — теперь уже на протяжении двадцати лет — занимаются критическим осмыслением ушедшей в прошлое диктатуры СЕПГ, будет весьма полезно обратиться к наблюдениям и аналитическим материалам, которые имеются на этот счет за пределами Германии. Среди зарубежных публицистов и ученых, представляющих различные точки зрения, процесс воссоединения и то, как объединенная Германия обращается со своим ГДРовским прошлым, вызывают на удивление большой интерес. При всех различиях в оценках многие из участвующих в этом разговоре в двух из них сходятся.

С одной стороны, существует далеко идущее согласие в отношении того, насколько всесторонни и основательны были усилия, связанные с «осмыслением» диктатуры СЕПГ и ее истории. Так, один из наиболее энергичных американских исследователей истории Германии Макадамс подчеркивает, что, вероятно, трудно будет отыскать другое государство, которое действовало бы столь же «быстро, двигаясь по самым разным направлениям, чтобы разобраться с собственным прошлым»⁸.

Наряду с многочисленными словами восхищения мирным характером коренного поворота в ГДР и процесса воссоединения у немалого числа этих авторов одновременно чувствуется определенное недовольство тем, что они наблюдают. Речь идет о втором шансе, который не был использован, или о колонизации Востока⁹. «Учиться у немцев?» — вопрошает, например, Эндрю Битти. Имея в виду расширяющуюся Европу, австралийский эксперт по Германии, видимо, не посоветовал бы этому объединению государств двигаться к объединению немецким путем, а если бы и посоветовал, то только с большими оговорками. Вместо разнообразия перспектив, самокритики и саморефлексии, полагает он, внимание было сосредоточено в основном на том, чтобы спроецировать на историческое прошлое современные ценностные и этические представления. По этой причине процесс объединения и, особенно, критическое осмысление истории происходили под решающим воздействием политически несбалансированных подходов, а также перекосов в истолковании социально значимых символов. Не европейский девиз «единство в многообразии» — «diversity in unity», а противопоставление «сверхупрощенной истории успеха Запада» «ужасной истории Востока» определяет официальное направление исторических изысканий¹⁰. Работа двух специальных комиссий по «осмыслению истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии» вызывает критику не только Битти, но и его коллег, хорошо владеющих всем методологическим арсеналом «правосудия переходного периода»: она слишком политизирована, слишком элитарна, а главное — совершенно игнорирует граждан бывшей ГДР¹¹. «Truth without reconciliation» — «правда без примирения» — так в переводе однозначно звучит

приговор политолога Дженнифер А. Йодер, акцентирующий внимание на ее слабостях¹².

При том что результаты исследований по отдельности не могут не вызывать вопросов, они тем не менее объясняют нам, почему граждане, выросшие в ГДР, как и граждане старой Федеративной Республики, все больше и больше оказываются вне рамок этих дискуссий, довольствуясь заранее изготовленными клише или вообще утратив к ним интерес. «Следует опасаться, что многочисленный и чрезмерно политизированный аппарат, созданный для того, чтобы пролить свет на историю ГДР, скоро перестанет интересовать публику точно так же, как это удалось его предшественникам в ГДР», — написал еще в 1999 г. Лутц Нитхаммер¹³.

Наблюдения за текущей дискуссией на самом деле внушают опасения, что в этом случае историк оказался прав и как пророк. То, что, тем временем, значительная часть восточных немцев стала ностальгировать по прежней жизни, имеет различные и неравнозначные причины. Сами по себе различные опыт и судьбы большинства граждан в Восточной Германии дают немного «зацепок», чтобы задним числом выявить в них общие элементы¹⁴. Сама диктатура зачастую скорее разъединяла, чем объединяла людей, что без труда можно увидеть на примере наиболее экстремальных среди всех возможных жизненных позиций — от сотрудников Штази до критиков режима. Очевидно, что наиболее важным фактором, под воздействием которого формировалось отношение к прошлому, был опыт, приобретенный в ходе объединения страны и в последующие за ним годы. Однако помимо этого ретроспективное формирование восточногерманской идентичности также явилось реакцией на историческую политику, возникшую в русле официального осмысления прошлого ГДР. Хотя, как показали различные опросы общественного мнения, после 1990 г. во многих отношениях происходило сращивание обоих немецких обществ, тем не менее эмоционально они отдалялись друг от друга. Наряду с жесткими темами политических и социальных конфликтов в сфере распределения, таких как безработица, взнос солидарности и т.д., особенно бросался в глаза еще один элемент: взгляд на историю и связанные с этим восприятие и оценка

прошлого. Даже те из наблюдателей, которые в целом констатировали успех сближения Востока и Запада, делали при этом одно исключение, каким была, по словам американского политолога Лоуренса Макфоллса, «разумеется», историческая память¹⁵.

Даже растущее чувство принадлежности к Востоку, о чем свидетельствовали результаты демоскопических исследований, в большей мере явилось следствием ситуации, которую Мэри Фалброк в своем анализе описывает как «парадоксальное положение народа». То есть хотя многие из бывших граждан ГДР не были согласны с политической системой прошлого, они не находят ни в результатах исторической науки, ни в том, что предлагает политическое образование, адекватного описания близких и хорошо знакомых им сфер жизни, которые они воспринимали как вполне «нормальные»¹⁶. Воспоминания, нередко личного характера, о репрессивной системе ГДР утрачивают свою остроту, когда речь заходит о том, чтобы попытаться оправдать собственную жизнь или жизнь родителей ввиду их огульного осуждения, воспринимаемого как несправедливое.

К сказанному следует добавить второй аргумент: мы имеем дело с неверной дихотомией, согласно которой государства держатся или на принуждении, или на одобрении (сошлемся опять на Мэри Фалброк). Также неверно, когда те, кто указывают на подавляющее одобрение деятельности государства, оспаривают существование принуждения¹⁷. Особенно в отношении ГДР после сооружения Берлинской стены и в эпоху Хонеккера можно, по ее словам, утверждать, что на этом этапе государство «пользовалось активной поддержкой многих своих граждан». «Сотовая структура патриципаторной демократии допускала, чтобы граждане — точнее сказать, те из них, которые были готовы использовать эти структуры и придерживаться принятых правил игры, — могли самостоятельно обустроить свою жизнь и при этом испытывать чувство хотя бы крошечной независимости»¹⁸. Помимо этого, как считает Фалброк, «СЕПГ не только разделяла и отстаивала цели значительного числа граждан... более того, в ее патерналистской претензии на то, чтобы попытаться осуществить эти цели (хотя, в конечном итоге, безуспешно) в интересах

народа, даже была частичка правды»¹⁹. Несмотря на все это, люди были встроены в «прочную, как сталь» коммунистическую систему, которую государство создало и поддерживало, используя все располагаемые средства власти. В этом смысле в высшей степени противоречивыми для большинства населения ГДР были два последних десятилетия: участие граждан в социалистическом проекте и поддержка, которую они получали в его рамках, происходили в условиях политического манипулирования и при существовании ниш несогласия. Это была та реальность, с которой постоянно соприкасались не только различные группы людей, но и отдельные граждане. Там, где после падения Берлинской стены Запад увидел экономически разрушенную страну и политическое насилие, степень которого было трудно представить, в действительности ситуация носила существенно более дифференцированный характер, в которой в отдельных случаях также встречались «островки совершенно нормальной жизни».

Дискуссия о том, чем была ГДР, регулярно подогревается определенными клише и устоявшимися представлениями, которые связаны именно с этой противоречивой исходной ситуацией. Статьи, включенные в настоящую книгу, рассматривают стереотипы, которые в публичных дискуссиях вызывают наибольшие споры. Причем некоторые из них обсуждаются без учета тех данных, которые может предъявить историческая наука. Не следует переоценивать ее влияние, приписывая ей способность реально преодолеть дихотомию между «черным» и «белым» в трактовке ГДР в публичном дискурсе. С другой стороны, научная дисциплина, ориентирующаяся на идеалы просвещения, не может не быть ответственной за то, чтобы внести свою лепту в общественную дискуссию и в этом смысле способствовать созданию адекватной, прозрачной и методологически выверенной реконструкции прошлого. При этом историческая наука не начинает свою работу с нуля. Напротив, с 1990-х годов благодаря огромным исследовательским усилиям были собраны конкретные знания, которые позволяют утверждать, что ГДР, вероятно, является самым хорошо изученным периодом немецкой истории. Многие из них не были востребованы в общественной дискуссии. По этой причине цель этого сборника заключа-

ется в том, чтобы ликвидировать, хотя бы частично, разрыв, который существует между общественным восприятием проблем и их интерпретацией в сфере исторической политики, с одной стороны, и специальными знаниями исторической науки — с другой.

В этом контексте Райнер Карлш задается вопросом о том, каков был экономический и технический потенциал ГДР. Во всяком случае, ее производство и экономика не находились на «мировом уровне». Сначала его достижению мешало тяжелое исходное положение страны после Второй мировой войны. Однако в последующие годы все большим препятствием становились собственные структурные слабости, блокировавшие быстрый экономический рост, что, впрочем, было характерно для восточноевропейского экономического блока в целом.

Определение ГДР как «государства Штази» было одной из наиболее спорных ее характеристик. В статье на эту тему я не только рассматриваю вопрос о том, какое значение имело министерство государственной безопасности в системе государственной власти в ГДР, но и о том, как воссоединенная Германия обошлась с этой частью наследия ГДР.

«Тошно было до невозможности, но мы оттягивались на полную катушку». Этими выдуманнами словами одного молодого парня из повести Томаса Бруссига Марк-Дитрих Озе начинает статью о молодежи в ГДР, подтверждая в своем историческом исследовании выраженную в них противоречивость восприятия действительности того времени. Реальное поведение молодежи, которое принимало чрезвычайно разнообразные формы, никак не соответствовало надуманным представлениям СЕПП о ней как о «боевом резерве партии».

Была ли ГДР в сфере женской эмансипации более успешным государством, как часто это утверждалось? Вне всякого сомнения, социальная политика ГДР, особенно в сравнении со старой Федеративной Республикой, сильно изменила роль женщины. Тем не менее и в ГДР сохранялись рудименты неравноправных отношений между мужчиной и женщиной, более того, возникали новые формы такого неравноправия. Гунилла Будде в своем исследовании, учитывая различные точки зрения, анализирует намерения и направления

«эмансипационной политики» ГДР, сопоставляя их с реальными результатами в общественной жизни.

Формула «рабоче-крестьянского государства», которой ГДР описывала саму себя, была, несомненно, политически лживой, о чем пишет Кристоф Кисман. Тем не менее в социальном отношении она играла известную роль. Вербальная дань уважения и разносторонние усилия подчеркнуть связь ГДР с определенными базовыми требованиями немецкого рабочего движения порождали настроения лояльности, которые, однако, постоянно подавлялись в условиях режима «политической опеки».

По отношению к иностранцам из братских социалистических стран ГДР демонстрировала свой «интернационализм» и тем самым гостеприимство. Патрис Путрус в своей статье показывает, что тем не менее они не были равноправными членами социалистического общества, задуманного как транснациональное, а скорее являлись гостями, которых приходится терпеть и которые представляли общество, состоящее из многих отдельных наций.

Социалистический интернационализм, антиимпериалистическая солидарность и мирное сосуществование — таковы были максимы внешней политики ГДР, позаимствованные из государственной идеологии. Герман Венткер описывает в своей статье, насколько велик был разрыв между этими формулами и реальными побудительными причинами. Одновременно он показывает, как сильно вместо них действия правительства ГДР на международной арене определяли стремление обеспечить собственное выживание и желание расширить возможности внешнеполитического маневра.

Начиная с 1976 г. ГДР постоянно была в числе лидеров по количеству завоеванных олимпийских медалей, далеко опережая не только Федеративную Республику, но и США с их более многочисленным населением, а однажды даже оставив позади СССР. Ютта Браун не только исследует вопрос о том, какие факторы сделали возможными эти успехи спортивной нации ГДР, но и показывает, насколько психологически нездоровым и лживым был мир спорта ГДР.

ГДР называла себя «читающей страной», что, как полагает Кристоф Линкс, вполне справедливо. Не только в срав-

нении с Федеративной Республикой, но и восточноевропейскими странами чтение как форма досуга имело для граждан республики особую ценность. То, что до 1990 г. частично объяснялось специфическими функциями, в первую очередь беллетристики, постепенно утратило свое значение после глубокой перестройки книжного производства и системы реализации книгопродакции.

Изображение себя в качестве антифашистского государства и тем самым в качестве «другой Германии» было одной из наиболее эффективных легенд, связанных с основанием ГДР. Рюдигер Шмидт исследует различные этапы собственного «антифашизма» ГДР и показывает, как этот идеологический элемент все больше утрачивает свой смысл, особенно для представителей молодого поколения.

Что представляла собой система социального обеспечения в ГДР, которая и сегодня остается предметом обсуждений, мнения участников которых полярно расходятся? На примере трудового права, политики занятости и пенсионного обеспечения Дирк Хоффман представляет дифференцированную картину, наглядно демонстрирующую противоречивость процессов в этих сферах в их историческом развитии.

Какими возможностями располагали граждане в ГДР для того, чтобы принимать участие в управлении государственными и общественными делами? На примере жилищной политики Штефан Хаас анализирует формы этого участия. Посредством общественных слушаний и выставок, специально организованных в этих целях, органы управления и партия побуждали к тому, чтобы граждане принимали участие в публичных обсуждениях социально значимых вопросов и в их практическом решении. Однако эти коммуникационные процессы в первую очередь служили для того, чтобы символически представить действующую систему как демократическую партисипативную общность людей.

Армия ГДР была важным элементом общества не только из-за своей численности, но и потому, что вследствие всеобщей воинской обязанности оказывала глубокое воздействие по крайней мере на мужскую часть населения. Была ли она по этой причине Национальной «народной армией», каковой она себя называла? Маттиас Рог исследует эту тему

и показывает, что армия и общество были чужды друг другу во многих принципиальных вопросах.

Историк Вольфганг Ламбрехт посвятил свою статью системе образования ГДР, сравнивая ее якобы образцовый характер со школой в Финляндии, среднее образование которой является одним из лучших в Европе в соответствии с критериями международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA). Несмотря на имеющиеся структурные сходства, между ними остаются существенные различия, причем наиболее важными являются политические ограничения, препятствующие доступу отдельных молодых людей к более высоким ступеням образования.

Цель настоящего сборника состоит в том, чтобы проверить содержание «легенд» ГДР на их достоверность или недостоверность, но в первую очередь показать их неоднозначный характер. С одной стороны, быстро становится очевидным, что только описания фактов для этого недостаточно. Нередко мы обсуждаем историю ГДР так, как если бы речь шла прежде всего о поиске «правильной трактовки», чтобы затем в максимально концентрированном виде донести ее до получателей информации (преимущественно школьников), что могло бы, наконец, помочь им выработать правильное отношение к событиям прошлого. Такое как минимум наивное представление показывает прежде всего, что мы все еще слишком мало знаем о процессах обучения и усвоения, которые сопровождают весь путь готовых продуктов исторической науки до их «потребителей». И даже если мы знаем, что, безусловно, не только книги, а уж тем более не научные статьи формируют представления о ГДР, мы тем не менее так и не сделали из этого факта необходимых выводов для нашей исследовательской, обучающей и распространительной деятельности. Индивидуальные воспоминания, семейная память, различные печатные материалы, телевидение и разнообразные развлекательные продукты, имеющие отношение к истории, от компьютерных игр до празднований исторических событий, в этом многообразии наука и историко-политическое просвещение являются лишь одним из элементов, который при индивидуальном

приобщении к истории в лучшем случае играет подчиненную роль. Мы мало знаем о взаимодействии этих отдельных элементов. Для того чтобы понять его, видимо, требуется активное сотрудничество на стыке исследований в области исторической культуры, исторической дидактики и исторической науки²⁰.

В настоящем сборнике представлена работа, которая очерчивает круг связанных с решением этой задачи проблем исторического обучения, исторической культуры и передачи результатов проведенных исследований. Антропологи Анзельма Галлинат и Сабине Киттель, используя присущий их научной дисциплине методический инструментарий, рассматривают вопрос о том, как соотносятся между собой «официально» предлагаемые исторические сведения и индивидуальные воспоминания. При этом они показывают, насколько сложны и дисгармоничны процессы взаимодействия этих двух факторов.

Авторов предлагаемого сборника объединяет желание внести вклад в то, чтобы «приземлить» процесс осмысления диктатуры СЕПГ, сегодня часто принимающий форму дискуссий, в которых не столько важны веские аргументы, сколько (политические) пристрастия и отстаивание сиюминутных убеждений, и повернуть его к тем проблемам, которые уже раскрыты в ходе проведенных исследований и поэтому более доступны для понимания. Также авторы не только надеются на то, чтобы внести замешательство в лагерь как тех, кто приукрашивает действительность в ГДР, так и тех, кто продолжает думать категориями «холодной войны». Прежде всего речь идет об идее привлечь к настоящей теме внимание хотя бы некоторых из тех многих, кто до сих пор не проявил к ней интереса. История ГДР гораздо интереснее, интеллектуально познавательнее и в переносном смысле даже более «поучительна», чем ее слишком упрощенные трактовки.

Мы особенно благодарны Центру политического просвещения земли Саксония-Ангальт, который оказал щедрую поддержку при подготовке настоящей публикации. Слова нашей благодарности также относятся к издателю Кристофу Линксу и редактору Яне Фребель — их товарищеское

общение с коллективом автором оставило самые приятные воспоминания. Штеффи Кальтенборн из института истории Марбургского университета взяла на себя важную задачу координации между авторами и издательством.

Мюнстер,
июль 2009 г.

РАЙНЕР КАРЛШ*

«НА МИРОВОМ УРОВНЕ»

*Наивысшие достижения
в производственно-технической области ... ?*

Предваряя тему

Среди студентов-экономистов в ГДР сатирический журнал «Ойленшпигель» (*Eulenspiegel*) пользовался особым спросом, поскольку нередко они узнавали из него больше о действительном положении на предприятиях и комбинатах, нежели из других источников, не говоря уж о газетных репортажах на тему выполнения производственного плана. Сегодня, бросая взгляд в прошлое, можно высоко оценить уровень немалого числа публикаций в «Ойле», как и бесчисленных анекдотов про «узкие места в системе снабжения».

Иначе обстояло дело с пресловутым «мировым уровнем» в научно-технической и производственной областях. Исчезновением в октябре 1990 г. ГДР в немалой степени была обязана именно провалу своей экономической политики. В общественном восприятии этот факт ассоциировался главным образом с «Трабантом», автомобилем технически допотопным и одновременно притягательно-бесхитростным, на десятилетия отставшим от технического уровня и объемов производства автомобилей ведущих производителей. После 1990 г. «Траби» в качестве знакового символа перекочевал в мир искусств и медиакоммуникаций, при том что автомобиль неизменно воспринимался как явление по преимуществу трогательно-курьезное. От десятилетий напряженных усилий автомобилестроителей из Цвиккау, похоже, не осталось ничего, кроме иронии¹.

В отличие от автомобилей микрочипы никак не подходят на роль культовых объектов. И поскольку построить

* Пер. с нем. Олега Шматова и Игоря Шматова.

государство на автомобилях уже давно и никак не получалось, руководство СЕПГ в сентябре 1988 г. предприняло пропагандистскую попытку раскрутить факт создания прототипа компьютерного чипа емкостью в 1 мегабит, представив его как высшее достижение. Большинство граждан ГДР, годами стоявших в очереди на домашний телефон, такого рода сообщениям не верили. Одномегабитный чип оказался пустышкой в красивой обертке². Причина в том, что электронная промышленность ГДР к этому моменту достигла пределов своих возможностей в «повторном изобретении» микрочипов, отставая от уровня развития мировой отрасли лет этак на восемь.

Иногда ход событий по иронии истории принимает неожиданный оборот: спустя двадцать лет после исчезновения ГДР и ликвидации автозавода «Заксенринг» в Цвиккау и Дрезденского комбината по производству электронной техники «Роботрон» именно автомобилестроение и производство чипов по численности занятых и обороту превратились в две наиболее важные промышленные отрасли в Саксонии. Последнее было бы невозможным без квалифицированных кадров специалистов, подготовленных в ГДР. Зададимся поначалу вопросом о стартовых условиях экономического развития в восточной части Германии.

Экономика и техника в послевоенное время

О «мировом уровне» в послевоенное время не могло быть и речи. Восстанавливать хозяйство приходилось с использованием оставшейся после войны техники. Такое положение не было специфической чертой Советской зоны оккупации (СОЗ)/ГДР, оно было типичным для восстановительной фазы практически во всех национальных экономиках Европы. Несмотря на военные потери, предпосылки для восстановления хозяйства были неплохими. Достаточно сказать, что Саксония, Тюрингия и провинция Саксония (с марта 1947 г. Саксония-Ангальт) относились к наиболее индустриализованным территориям Германии, в то время как провинции Бранденбург и Мекленбург—Передняя Померания были преимущественно территориями аграрными. Промышлен-

ность Средней Германии (здесь в смысле экономического комплекса на территории будущей ГДР) отличалась в общем высоким техническим и технологическим уровнем производства и готовой продукции. Станки из Хемница, самолеты из Дессау, объективы из Йены, фотоаппараты из Дрездена, фото- и киноплёнка из Вольфена, конторское оборудование из Зёммерда, текстиль из Плауэна — вот далеко не полный список изделий, пользовавшихся до войны повышенным спросом во всем мире. Характерным для экономической структуры Средней Германии было наличие большого числа малых и средних предприятий, глубоко интегрированных в систему внутригерманского разделения труда.

Часть этих преимуществ была утрачена как следствие экономической политики национал-социалистского режима и войны. В частности, проводимая нацистами политика автаркии привела к тому, что химическая промышленность Германии сошла с магистрального пути мирового технологического развития. Так, в больших масштабах производилось синтетическое моторное топливо из угля, хотя специалисты концерна «ИГ Фарбениндустри» еще в начале 1930-х годов пришли к выводу о том, что используемые в этом производстве технологии были неконкурентоспособны из-за их высокой стоимости. Некоторые из крупнейших гидрогенизационных заводов в городах Лойна-Мерзебург, Бёлен, Магдебург, Цайц, Шварцхайде находились на территории будущей СОЗ³. Аналогичным результатом политики автаркии было и создание новых либо расширение существующих мощностей по производству ацетилена и хлора (химические заводы «Буна» в Шкопау, электрохимические заводы в Биттерфельде). То же относится и к производству вискозного штапельного волокна в городах Вольфен и Шварца⁴. Но даже с учетом этих фактов не следовало бы излишне активно ссылаться на чрезмерную затратность и экологическую вредность крупного химического производства, доставшегося в качестве проблемного наследства⁵. Подобные предприятия имелись и в Западной Германии, причем некоторые из них эксплуатировались вплоть до 1960-х годов (в этом, заметим попутно, важную роль сыграло продолжение практики господдержки, унаследованной из 1930-х годов). Тем не менее химической

отрасли Западной Германии удалось заключить стратегические союзы с крупными нефтяными концернами и в течение нескольких лет полностью отказаться от угля, переориентировавшись на нефтегазовое сырье. В ГДР переход на нефтехимию по причинам, которые рассмотрим позже, так и не был доведен до конца.

В аспекте долговременных экономических последствий нельзя недооценивать такое явление, как отток из восточных территорий в период с 1945 по 1961 г. более 2,7 млн человек и вывод бизнеса. За всю историю своего существования немецкая промышленность не сталкивалась с трансфером технологий столь крупных масштабов, как после Второй мировой войны. В западногерманской статистике предприятия, которые перенесли свое местонахождение из СОЗ/ГДР в Федеративную Республику, учитывались как «предприятия-иммигранты». Согласно этой статистике, в сентябре 1953 г. их насчитывалось 3436 с численностью занятых порядка 190 000 человек⁶. И это при том, что официальной статистикой фиксировалась лишь небольшая часть случаев.

«Ауди», «Вандерер», «Агфа», «Тееканне», «Велла» и немало других громких имен навсегда исчезли из экономической действительности Средней Германии. Вместе с ними ушел и самый ценный капитал – люди: инженеры, рабочие-специалисты, коммерсанты. Эту потерю невозможно оценить даже приблизительно. Усугублялось положение еще одним феноменом, известным по довоенным временам: большинство научно-исследовательских и конструкторских отделов крупных предприятий находились на Западе Германии или в Берлине. Важным исключением был завод «Карл Цейс» в Йене, но именно он в 1945–1946 гг. понес двойной урон в результате демонтажа и вывоза оборудования американцами и русскими либо вывоза научных работников⁷.

Индустриальный рывок в промежутке между 1934 и 1944 г., обусловленный военно-экономическими соображениями, обернулся для территории будущей ГДР лишь кажущимся преимуществом. Вновь созданные мощности в авиа-, машино-, автомобилестроительной отраслях и в химической промышленности после окончания войны были в большинстве демонтированы⁸. Однако же неким «скрытым благо-

словением» в смысле ликвидации избыточных мощностей и устаревшей техники — как в черной металлургии и химической промышленности Западной Германии — демонтаж в СОЗ так и не стал. Напротив, репарации лишь ослабляли на перспективу экономику СОЗ/ГДР. На долю СОЗ/ГДР пришлось самые крупные в XX в. репарационные платежи, в совокупности превышавшие объем репарационных требований Советского Союза, которые он первоначально предъявлял ко всей Германии. Советский Союз оценивал общую сумму выплаченных СОЗ репараций всего лишь в 4,3 млрд долл. США, фактическая же сумма репарационных платежей превосходила ее, предположительно, минимум в три раза⁹.

Резюмируем: технологический уровень в СОЗ серьезно уступал таковому в западных зонах, что было обусловлено особенностями структурного развития территории в довоенное время, уходом бизнеса, но прежде репарационной политикой Советского Союза. Но даже в этих условиях формировавшаяся в течение многих десятилетий инновационная культура, высокий уровень квалификации работников, а также традиционно высокое качество продукции сделали возможным восстановление экономики темпами, в которые современники поначалу отказывались верить. И все же «чудо восстановления на Востоке» (оснований называть это явление именно так имеется более чем достаточно) поблекло на фоне западногерманского «экономического чуда». Необходимо, следовательно, задаться вопросом о причинах регрессивного развития экономики ГДР¹⁰.

Фальстарт или сбой на дистанции? Дефицит производительности

К началу Второй мировой войны экономика среднегерманского региона была очень эффективной, хотя и не столь современной, как западногерманская, что выражалось прежде всего в превалировании «старых» отраслей, в частности текстильной промышленности. Эти структурные различия явились причиной ее более низкой в сравнении с западногерманской экономикой продуктивности: так, в 1936 г. отставание составило около 9–12%¹¹. В завершающий период суще-

ствования ГДР продуктивность ее экономики составляла уже лишь около трети западногерманского уровня.

Большинство экономистов видят решающее препятствие для роста экономики ГДР в дефиците инновационности плановой системы хозяйствования¹². Эксперты в области истории экономических учений, не подвергая сомнению это утверждение в целом, делают упор на конкретные исторические условия¹³. Однако аргументация в стилистике чисто государственного регулирования экономики перестает работать, лишь стоит обратиться к статистическому анализу показателей экономического роста на Востоке и Западе Германии¹⁴. В частности, сегодня существует широкий консенсус в отношении того, что в 1950 г. производительность в ГДР составляла в лучшем случае около двух третей западногерманского уровня. То есть в большей части это отставание сформировалось уже в период между 1936 и 1950 г., точнее — с середины 1948 по 1950 г. Решающую роль в этом сыграли два фактора: сокращение основных фондов вследствие демонтажа оборудования и дезинтеграция среднегерманской экономики. Именно с потерей своих основных рынков на Западе Германии и в Западной Европе она стала уступать по темпам роста западногерманским землям¹⁵. Традиционно более чем высокая внешнеторговая интенсивность экономики Саксонии и Тюрингии, выражавшаяся в экспорте готовых изделий, прежде всего товаров потребительского спроса и продукции машиностроения, и в импорте сырья и полуфабрикатов, в изменившихся общих геополитических условиях превратилась в тормоз роста.

«Ремонтные отрасли»

Структура промышленности ССР/ГДР претерпела серьезные изменения, вызванные ремонтными требованиями Советского Союза, и последствия этих изменений еще долго ощущались и после 1953 г. — последнего года выплаты репараций. Упомянем в этом контексте уранодобывающую промышленность, судостроение, тяжелое машиностроение и вагоностроение, т.е. отрасли промышленности с ярко выраженной ремонтной направленностью¹⁶. На первом месте в этом

ряду стоит Акционерное общество «Висмут». Учреждаемое согласно первоначальным замыслам лишь на короткий срок, АО «Висмут» – до 1953 г. 100%-ная собственность советского государства – выросло в комбинат с практически самодостаточными структурами и за несколько лет вышло на третье место среди мировых производителей урана, насчитывая в начале 1950-х годов более 200 000 занятых¹⁷.

Создание этого комбината, контролируемого советскими спецслужбами, было сопряжено с колоссальными социальными и экологическими издержками. Технологический уровень на начало разработки урановых руд был крайне низким¹⁸, отсутствие техники компенсировалось дополнительной нагрузкой на рабочих. Такое положение, однако, очень скоро изменилось. Техническое оснащение за счет поставок изо всей СОЗ/ГДР и из СССР, а позднее и за счет единичных поставок по импорту было выведено на современный для Восточного блока уровень. И все же конкурировать с техническим уровнем крупных горнодобывающих предприятий Запада «Висмут», преобразованный в 1954 г. в Советско-Германское АО (СДАГ), ставший к этому моменту показательным предприятием с высокомотивированным коллективом, не мог даже в лучшие свои времена.

Вторая крупная ремонтная отрасль сформировалась на базе судостроительных верфей на балтийском побережье¹⁹. Если к началу Второй мировой войны в судостроении будущей СОЗ/ГДР насчитывалось всего 5000 занятых, то в 1953 г. их было уже более 56 000²⁰. На конец 1953 г. для «мировой державы без флота», т.е. для Советского Союза, было построено либо отремонтировано 1160 судов. В долгосрочной сравнительно-исторической перспективе расширение судостроительной отрасли следует оценить по преимуществу положительно. Приводимый порою аргумент затратности не учитывает того обстоятельства, что в то время в мире практически отсутствовали примеры успешного создания крупных судостроительных мощностей без солидной поддержки со стороны государства.

К «ремонтным отраслям» следует отнести и важнейшие предприятия вагоно- и тяжелого машиностроения. Крупносерийное производство для «удобного» рынка с СССР

в качестве главного потребителя продукции создавало для вагоностроительной отрасли и тяжелого машиностроения, как и для многих других предприятий ГДР, идеальные условия в плане экономики и организации производства, вело, с другой стороны, к ослаблению их инновационной активности. В этом смысле уместно говорить о германо-советской «общности судеб».

С крушением Восточного блока рухнули и эти структуры — тяжелое машиностроение и вагоностроение исчезли практически полностью, судостроительные верфи — вопреки всем мерам господдержки — все еще доживают свой «закат в рассрочку», добыча урана была прекращена в 1991 г., а ее экологические последствия ликвидированы с очень большими затратами.

В тупике «социалистической индустриализации»?

1950-е годы оказались для классических отраслей «индустрии дымовых труб» еще одним периодом великих свершений. Не случайно символом послевоенного восстановления стал шахтер, причем не только в ГДР, где забойщик Адольф Хеннеке был превращен в культовую фигуру Героя соцтруда, но и во многих западно- и восточноевропейских странах. Уголь, чугун, сталь в первое десятилетие существования ГДР находились в фокусе ее экономической политики. При жизни Сталина, но прежде всего ускоренными темпами во время Корейской войны (1950–1953) все страны Восточного блока начали создавать собственную тяжелую промышленность. Реализуя «железную концепцию», называемую иначе «социалистической индустриализацией», все они без исключения руководствовались как теоретическими догмами (из Марксовой теории воспроизводства выводилась необходимость приоритетного развития производственной сферы и производства средств производства), так и в большей степени соображениями военного порядка. В то время как в Западной Европе центр тяжести народнохозяйственных структур все больше смещался в направлении производства потребительских товаров и сектора услуг, государства Восточного блока

делали ставку на модель индустриализации позднего XIX либо раннего XX столетия.

В дискуссии о просчетах государственного регулирования промышленной политики часто указывается на неоправданное копирование руководством СЕПГ в 1950-е годы советской модели индустриализации, что, в свою очередь, обусловило ошибочное приложение народнохозяйственных ресурсов²¹. Низкая отдача от капиталовложений в тяжелую промышленность — факт неоспоримый. Вопрос в другом: имела ли место историческая ситуация вынужденного (вос)создания тяжелой промышленности и имелась ли этому какая-либо альтернатива. На территорию будущей ГДР приходилось лишь около 7% мощностей германской металлургической отрасли, около 3% общегерманской добычи каменного угля и порядка 5% добычи железной руды. В ГДР для характеристики такого положения использовалось понятие «диспропорция разделения»²². Соответственно приоритетные направления двухлетнего плана (1949–1950) и первой пятилетки (1951–1955) закладывались исходя из внутренней логики. При этом экономисты первоначально отдавали предпочтение продолжению внутригерманских поставок стали либо ее импорту из других стран. Запрет на поставки чугуна и стали фирмами ФРГ, введенный распоряжением западных держав в начале 1950 г., усилил позиции тех лиц в хозяйственной администрации, которые требовали независимости от поставок из Западной Германии.

Необходимо также учитывать, что ГДР спустя всего несколько лет после окончания войны не была для других государств Восточного блока предпочтительным торговым партнером. Советский Союз и Польша с их собственными потребностями и понятной неприязнью к немцам не спешили поставлять сталь в Восточную Германию. Сложность создавшейся ситуации отеснила на задний план вопрос о затратах. Вот почему важнейшим инвестиционным проектом первого пятилетнего плана (1951–1955) стало строительство металлургического комбината «Ост» (МКО) в городе Айзенхюттенштадт. В контексте «холодной войны» «антиимпортное производство» чугуна и стали на МКО могло вполне расцениваться как успех: в период с 1950 по 1955 г. ГДР уменьшила долю

импортного чугуна с 42 до 15%²³. Не случайно МКО в глазах формирующейся восточногерманской экономической элиты стал символом «созидания собственными силами»²⁴. Конечный продукт из советской железной руды, добытой в Кривожье, и из польского каменного угля, добытого в Верхней Силезии, торжественно именовался «сталью мира», объединяющей народы. Сооружение МКО демонстрирует как возможности, так и пределы государственной промышленной политики. Благодаря реализации этого амбициозного проекта, сравнимого с металлургическим заводом того же поколения в Фос-Сюр-Мер (Франция)²⁵, обеспечивалась живучесть экономики ГДР. С другой стороны, множество ошибок на стадии проектирования привело к существенному удорожанию строительства.

Вплоть до конца существования ГДР объект оставался незавершенным. Замкнутый металлургический цикл, включая прокатное производство, так и не был реализован. В том числе и по этой причине себестоимость проката в ГДР существенно превышала его себестоимость на предприятиях Федеративной Республики. К тому же однажды созданная технологическая схема — более 75% производимой в ГДР стали выплавлялось вплоть до середины 1970-х годов в мартеновских печах, т.е. по технологии, разработанной в XIX в., — отличалась неимоверной инерционностью²⁶. ГДР вкупе с Канадой и Венгрией были единственными в мире промышленно развитыми странами, которые к описываемому моменту еще не перешли на кислородное дутье — новую технологию в производстве стали. Если строительству МКО альтернативы не существовало, то она вполне реально существовала применительно к дальнейшему формированию структур в сталелитейной промышленности. Речь идет прежде всего о внедрении новых технологий, расширении второго периода, сокращении избыточных мощностей при одновременном увеличении импорта стали. Наряду со сталью промышленность ГДР остро нуждалась в коксе. Традиционно кокс получали из каменного угля. По мнению планировщиков, каменный уголь, импортируемый главным образом из Польши и СССР, как и каменный уголь, добываемый в неблагоприятных геологических условиях в районе Цвиккау, был слишком

дорог для использования в ежегодно возрастающих объемах в целях получения кокса и газа. Возможное решение виделось в переходе на высокотемпературный кокс из бурого угля (ВТБ-кокс). Профессоры Эрих Раммлер и Георг Билькенрот из Фрайбергской горной академии продолжили начатые еще во время войны исследования по получению высокотемпературного металлургического кокса из бурого угля. ВТБ-кокс стал одним из немногих инновационных достижений ГДР. Государственная плановая комиссия (Госплан) непривычно оперативно отреагировала на изобретение фрайбергских ученых. Испытания нового кокса еще не завершились, а уже было получено добро на его промышленное применение. В октябре 1951 г. Совет министров ГДР принял постановление о строительстве коксохимического комбината в Лаухаммере, а менее чем через год на нем были введены в эксплуатацию первые коксовые батареи. Построенный с нуля металлургический завод в Кальбе, оборудованный низкошахтными печами, работал исключительно на ВТБ-коксе из Лаухаммера.

Самым важным и бесспорно самым дорогим проектом в рамках энергетической политики приоритетного использования отечественного буроугольного сырья стало строительство комбината «Шварце Пумпе» по переработке бурого угля с получением в качестве основной продукции ВТБ-кокса, электроэнергии, смол и сетевого газа. Одновременно было принято решение о вскрытии новых буроугольных карьеров и строительстве жилого массива в Хойерсверде для работников комбината. На сооружение комбината выделялись 2,7 млрд марок, на вскрытие карьеров – 1,2 млрд марок, итого – 3,9 млрд марок²⁷. «Шварце Пумпе» был крупнейшим инвестиционным проектом второго пятилетнего плана (1956–1960). Программой (второй) развития угольно-энергетической отрасли, принятой в марте 1957 г., предусматривалось сокращение разрыва между потребностями промышленного развития и наличием энергоресурсов. Эта «энергетическая брешь» образовалась, с одной стороны, в силу исторических причин и как результат разделения Германии, а с другой – как следствие советских репарационных изъятий, а также отсутствия стимулов к бережливому обращению с энергией²⁸.

«Шварце Пумпе» стал символом энергетической политики приоритетного использования бурого угля. На комбинате было установлено оборудование, разработанное в 1930-е годы, которое вследствие затянувшегося почти на 15 лет строительства на момент ввода в эксплуатацию уже не соответствовало последнему слову техники. Временные решения, как смолоотстойники и хранилища шламов смолистых веществ, а соответственно и высокая нагрузка на окружающую среду — на все это шли сознательно. Из анализа мировых цен на газ следует, что стоимость бытового газа из бурого угля существенно превышала цену импортированного природного газа.

Технологический прорыв Ульбрихта

После того как послевоенное восстановление в основном было завершено — весомым исключением оставалось лишь железнодорожное хозяйство, — руководство СЕПГ сделало ставку на ускоренный технический прогресс, следуя тем самым замыслам нового партийно-государственного руководства Советского Союза во главе с Хрущевым. Главным лозунгом этого периода стала «научно-техническая революция».

Весной 1956 г. Ульбрихт обозначил отрасли, с которыми СЕПГ отныне в первостепенном порядке связывала свои ожидания: техника полупроводников, авиастроение, ядерная энергетика, машиностроение. Через два года к ним добавилась химическая промышленность. Такая расстановка приоритетов покоилась на убеждении в том, что плановая экономика открывает более широкие возможности для ускорения темпов научно-технического прогресса и реализации крупных проектов («big science»), чем это могут позволить себе рыночные экономики. Министр внешней и внутригерманской торговли Генрих Рау говорил о необходимости «в техническом плане догнать и перегнать капиталистические страны»²⁹. Дополнительный обнадеживающий импульс эти ожидания получили в октябре 1957 г. в результате запуска Советским Союзом первого искусственного спутника Земли, который рассматривался как символ технического превосходства социалистической системы. Хрущев провозгласил

начало экономического соревнования с США, и все страны Восточного блока приняли перспективу построения социализма и достижения благосостояния. ГДР поставила перед собой в качестве «главной экономической задачи» достижение к концу 1961 г. по всем важным продовольственным и потребительским товарам западногерманского уровня душевого потребления (1957).

Авиастроение

Особые надежды руководство СЕПГ связывало с возобновлением производства авиационной техники. Первые соображения на этот счет датируются 1952 г. Причем на начальном этапе мотивы были исключительно военного характера. Однако с идеей организации производства истребителей и бомбардировщиков плановикам под впечатлением июньского кризиса 1953 г. пришлось распрощаться, и предпочтением стала пользоваться идея производства гражданских самолетов по советским лицензиям, как и идея разработки собственных моделей. Важную роль в этих планах сыграл факт возвращения авиационных инженеров и техников из Советского Союза³⁰, куда они были вывезены на работу в рамках «интеллектуальных репараций» 1945–1946 гг. Группа специалистов во главе с главным конструктором Брунольфом Бааде, возвратившаяся в 1953–1954 гг., привезла в ГДР разработанный группой еще в СССР эскизный проект реактивного пассажирского самолета типа «152». Самолет представлял собой модификацию бомбардировщика средней дальности «150», спроектированную конструкторами фирмы «Юнкерс» в Советском Союзе. Иными словами, применительно к первому пассажирскому самолету ГДР речь шла о «побочном продукте» военных разработок.

Экономически проект себя оправдывал, учитывая хорошие перспективы экспорта продукции, прежде всего в Советский Союз и Китай. На создание авиационной промышленности в период с 1955 по 1960 г. было выделено около 1,6 млрд марок, и за какие-нибудь два года возникла полноценная самолетостроительная отрасль с числом занятых 25 000 человек³¹.

На пути реализации проекта стояли колоссальные технологические вызовы. Лишь немногие государства в 1950-е

годы могли позволить себе реактивное самолетостроение для гражданских нужд и регулярные пассажирские авиаперевозки реактивными самолетами: Великобритания (1952), Советский Союз (1956), США (1958) и Франция (1959). ГДР не желала отставать от них.

Первый немецкий реактивный пассажирский самолет типа «152» взлетел в небо 4 декабря 1958 г. А на чертежных досках уже прорабатывалась его последующая модификация — «153 А», должна стать конкурентоспособной на международном рынке. Кардинальной технической проблемой оказались постоянные обращения к концепции бомбардировщика «152» и отсутствие либо запоздалый ввод в эксплуатацию испытательных стендов. Во время второго испытательного полета 4 марта 1959 г. «152» потерпел катастрофу. Однако подлинные причины прекращения работы над проектом в феврале 1961 г. крылись в резко ухудшившихся перспективах сбыта продукции и слишком высоких затратах³².

Советский Союз в 1959 г. начал реорганизацию своего авиастроения, расширяя производство гражданских самолетов. Без советского же рынка восточногерманский проект был обречен на провал.

В создании и ликвидации самолетостроительной отрасли проявилась двойственная суть ГДР: чувство восхищения техникой и сознание сопричастности давним промышленным традициям побуждали к тому, чтобы помериться силами с ведущими мировыми производителями, в том числе в сфере самых что ни на есть высоких технологий. Инженерно-технические достижения ГДР, тем более при ограниченности ресурсов этой небольшой страны, заслуживают всяческого признания. С другой стороны, сотрясаемая политическим и экономическим кризисом 1960—1961 гг. ГДР в попытке реализовать проект ракетного самолетостроения просто перенапрягла свои силы.

Программа развития химической промышленности

В ноябре 1958 г. принимается Программа развития химической промышленности («Химия — это хлеб, благосостояние,

красота»). Цель программы — удвоение объемов химического производства до 1965 г. при опережающих темпах роста производства пластмасс и синтетического волокна и переход на нефтехимические технологии. Были определены важнейшие проекты: строительство нефтепровода «Дружба» и нефтеперерабатывающего завода в Шведте-на-Одере, разработка собственной технологии более глубокого крекинга нефти, строительство современного нефтехимического производственного комплекса («Лойна-П»), строительство комбината химического волокна в Губене.

За сообщениями о намеченных темпах роста производства современной, изготавливаемой на основе нефтехимических технологий продукции в общественном восприятии как-то отошла на задний план обратная сторона Программы. Дело в том, что она одновременно имела своей целью и расширение углехимической отрасли. Эта двунаправленность отражала дилемму промышленной политики ГДР. Из эксплуатации была выведена лишь часть углеобогачительных фабрик. Более или менее значимые поставки сырой нефти стали возможными лишь с середины 1960-х годов после завершения строительства нефтепровода «Дружба». Чрезвычайно дорогостоящие геологоразведочные работы по выявлению собственных нефтяных залежей не увенчались успехом, так же как и усилия ГДР заключить договоры на поставку сырой нефти с арабскими государствами³³. Единственным крупным поставщиком оставался в конечном итоге Советский Союз. Соответственно именно возможность доступа к нефтегазовым ресурсам устанавливала пределы структурным преобразованиям в химической промышленности ГДР.

Программа 1958 г. была попыткой восполнить инновационный пробел собственными силами. Требовалось остановить регресс в химической отрасли ГДР. Однако уже в марте 1961 г. отдел тяжелой промышленности ЦК СЕПГ был вынужден констатировать: «Программа развития химической промышленности при нынешнем планировании более не существует. <...> По химии мы гарантированно скатимся на уровень второстепенной страны, если продолжим следовать запланированным курсом. <...> Даже в случае сохра-

нения темпов, как они первоначально предусматривались Программой развития химической промышленности ГДР, в 1965 г. наше отставание от Западной Германии будет больше, чем к началу реализации Программы»³⁴.

В начале 1964 г. принимается вторая Программа развития химической промышленности. Ее цель — обеспечить продолжение начавшихся структурных преобразований. Однако, несмотря на солидные инвестиции, результаты оставались скромными. Особенно в растущих отраслях — в производстве пластмасс, синтетических волокон и в фармакохимии — предприятия ГДР в результате запоздалой модернизации оказались на положении отстающих. «Омолождение» химической промышленности не удалось, так как приобретение нового оборудования не сопровождалось соответствующим списанием устаревшего. Вследствие этого выросли затраты по его техническому обслуживанию и ремонту.

В Восточной Европе у химической промышленности ГДР почти не было равноценных партнеров, а на Западе ее возможности по кооперации — по политическим причинам — носили ограниченный характер. В то же время такая небольшая страна, как ГДР, была не в состоянии самостоятельно разрабатывать все наиболее важные химические технологии.

На сокращение поставок советской нефти в ГДР после второго нефтяного кризиса 1979—1980 гг. хозяйственная бюрократия ГДР отреагировала принятием программы, предусматривавшей отказ от использования нефти в качестве жидкого топлива и увеличение доли угля в топливном балансе. Вместо давно запланированного сокращения углехимического производства в 1980-е годы его объемы еще больше выросли. Повышение экономической эффективности химической промышленности больше не рассматривалось как самая важная задача, в качестве таковой теперь выступало сокращение импорта нефти³⁵. Лозунг «выбор в пользу нефти» эпохи Ульбрихта превратился в лозунг «назад к углю» эпохи Хонеккера. Сохранение углехимии в конечном счете вылилось в фиаско всей энергетической и экологической политики.